



Библейские аллюзии в медиапространстве

© Н.А. СЕГАЛ,
кандидат филологических наук
А.В. БАБИЧ

Статья посвящена исследованию семантико-прагматического потенциала прецедентной ситуации «вывод израильтян из Египта» в медиатекстах 2013–2017 годов. В работе анализируются особенности функционирования семантических компонентов данной ситуации при их экстраполяции на общественно-политические реалии. Выявляется манипулятивный потенциал библейских образов при формировании современных медиатекстов и своеобразие трансляции прецедентной ситуации «вывод израильтян из Египта» на мир политики.

Ключевые слова: политический текст, политический дискурс, прецедентная ситуация, масс-медийный текст, семантико-прагматический потенциал.

DOI: 10.31857/S013161170003010-0

The article is devoted to the study of the semantical and pragmatic potential of the precedent situation «the withdrawal of Israelis from Egypt»

in the media texts 2013–2017. The paper analyzes the features of the function of the components of this situation when they are extrapolated to socio-political realities. The manipulative potential of biblical images is revealed in the formation of modern media texts and the peculiarity of the translation of the precedent situation «the withdrawal of Israelis from Egypt» to the world of politics.

Keywords: political text, political discourse, precedent situation, mass-media text, semantic-pragmatic potential.

Гражданское общество, власть, политические процессы всегда остаются главным объектом внимания авторов масс-медийных текстов. СМИ являются главным источником информирования населения, посредником в диалоге народа и власти, создателем общественного мнения.

Одним из ярких признаков текстов современных СМИ является активное использование образных средств, воздействующих на сознание массового читателя. Ценным источником для ассоциирования тех или иных политических, экономических, социальных событий, явлений и лиц нередко становятся библейские предания. По мнению Е.С. Худяковой, выражения, связанные с Библией, выполняют две основные функции — эмоциональную и художественно-выразительную, где в первом случае библеизмы выражают преимущественно авторские эмоции, а во втором — использование этих средств создает нужный стилистический эффект и эстетическую организацию текстового пространства, что крайне важно для публицистического текста [1].

Цель данной статьи — семантико-прагматические возможности прецедентной ситуации «*вывод израильтян из Египта*» и особенности ее функционирования в медиатексте.

Включение выражений из Библии, отсылка к соответствующим библейским событиям, кроме коммуникативных намерений автора, выполняет также роль разгадки его основного замысла. Использование библейских выражений обогащает масс-медийный текст дополнительными смыслами, усиливающими потенциал СМИ. Т.А. Солдаткина утверждает, что библейская фразеология в политическом тексте подчеркивает ее универсальность. В политическом дискурсе, главная функция которого — манипуляция, библеизмы позволяют усилить воздействие на адресата благодаря яркой экспрессии и насыщенной выразительности [2].

В библейском предании говорится о пророке Моисее, который решил освободить свой народ от египетского рабства и получил разрешение фараона покинуть с израильтянами Египет. На протяжении сорока лет израильский народ скитался с Моисеем по пустыне в поисках земли обетованной и питаясь лишь манной небесной: «Моисей повел свой народ в Землю Обетованную через Синайскую пустыню. Сначала три дня они

шли пустыней Сур и не находили воды кроме горькой, но Бог усладил эту воду, повелев Моисею бросить в нее указанное им дерево. В пустыне Син Бог послал им множество перепелов, а затем (и в течение всех следующих сорока лет блужданий) ежедневно посылал им с неба манну» [3]. В масс-медийных текстах элементы этой ситуации представлены антропонимом *Моисей* и прецедентными сочетаниями *земля обетованная*, *манна небесная*, *водить по пустыне*, *ходить по пустыне*.

Для создания образов политических лидеров публицистический дискурс эксплуатирует те антропонимы, которые наиболее известны в данной культуре, перенося доминантные характеристики данного онима на определенного субъекта политики. Одним из ярких образов-ассоциатов является библейский *Моисей*.

Согласно Библии, этот предводитель израильтян был призван Богом для освобождения народа от фараоновского рабства. Пророк Моисей стал примером лидера национального и общечеловеческого значения. В.А. Бачинин отмечает: «Когда Бог повелев Моисею отправиться в Египет, то вооружил его несокрушимой верой в успех этой миссии, наделил всеми необходимыми лидерскими качествами великого народоводителя, отметил печатью Божьего избранничества — харизмой, дал ему все то, чем должен обладать пророк, духовный вождь, политический лидер, духовный предводитель и законоучитель» [4].

В медиатекстах данный антропоним претерпевает ряд изменений: от трансформаций структуры до потери первичной коннотации.

В зависимости от смысловой нагрузки, которую привносит антропоним *Моисей* в медиатекст, можно разделить приводимые контексты на две группы. К первой относятся те, где в ключевой единице *Моисей* актуализируются семы 'пророк', 'предводитель'. Вторая группа контекстов характеризуется дополнением вышеперечисленных сем компонентом 'отсутствие необходимости' с ярко выраженной негативной коннотацией. Рассмотрим выделенные группы более подробно.

При актуализации семы 'предводитель' субъект предстает в роли лидера, за которым идут остальные, доверяя его опыту и возможностям. С целью эффективной актуализации данного значения и достижения большей метафоричности авторы политических текстов могут прибегать к различным изменениям в структуре антропонима. В зависимости от этого данную группу также можно разделить на несколько подгрупп:

1) контексты, в которых антропоним не претерпевает изменений (Курсив здесь и далее наш. — Н.С., А.Б.): «*Моисей* сорок лет вел народ по пустыне тоже через страдания. Так вот у Януковича сегодня очень нелегкая роль с таким скрежетом провести нас в Европу, и я лично бы сравнил его с *Моисеем*...», — заявил Табачник» (<http://news.eizvestia.com>. 16.07.2013); *России нужен свой Моисей*, который не допустит сомнений и разброда» (<http://rus.delfi.lv>. 23.09.2015). В подобных контекстах мы формируем образ

политического лидера, опираясь на собственную картину мира, в которой зафиксированы знания о библейском пророке. Авторы политических контекстов показывают нам, что стране нужен политический лидер, подобный библейскому Моисею, в котором преобладают выносливость, целеустремленность, настойчивость, организованность, умение мотивировать и вдохновлять.

2) контексты, метафоризация в которых происходит за счет сочетаемости антропонима *Моисей* с субстантивом, указывающим на лицо, наделяемое лидерскими качествами и грамматически выступающее в роли приложения: «В Киеве на день города в киевском Гидропарке музыкальный коллектив исполнил песню про украинского *Моисея* — Порошенко, который ведет свой народ через пустыню и нищету к благословенному НАТО» (<http://skeptimist.livejournal.com>. 28.05.2017) «Как сказал Дмитрий Чепур в статье “Украина в режиме телемоста ратифицировала Договор про Ассоциацию с Евросоюзом”, “половину “*пути Моисея*” Украина уже прошла...” и уверенно ее ведет новый украинский *Моисей* — Порошенко» (<http://vzpolitik.ru>. 17.09.2014). Такое уподобление, выраженное с помощью приложения, дает яркую образную характеристику политическому лидеру. Авторы контекстов считают необходимым максимально сблизить названные образы, уподобить их друг другу с целью придания личности политика в глазах адресата наибольшей значительности, нередко переоцененной.

3) контексты, метафоризация в которых происходит за счет сочетаемости антропонима *Моисей* с определением, указывающим не просто на личность политического лидера, но и на государство, в котором этот лидер является наиболее актуальным: «Журнал называет Трампа человеком, который изменил правила игры в 2016 году, но он также использует при его упоминании такие эпитеты, как “торгаш” и “демагог”. При этом самые добрые слова Time приберегает для Хиллари Клинтон, которую он с благоговением именует *Американский Моисей*» (<http://systemity.livejournal.com>, 07.12.2016 г.); «Мне думается, что Путин и есть тот самый “*русский Моисей*”, который должен вывести народы мира, раздираемые внушенной им западом злобой, в “райские куши” взаимной любви и уважения» (<http://yurayakunin.livejournal.com>. 27.03.2017).

В контекстах данного блока библейский антропоним *Моисей* вступает в сочетание с адъективами, указывающими на сферу влияния политического лидера, а именно на нацию, для которой этот политический субъект является предводителем и в рамках которой деятельность политика будет наиболее успешной. Авторы подобных политических текстов показывают таким образом, что действия того или иного политического лидера имеют и свою национальную направленность с целью наиболее результативной реализации политической кампании, а значит, и для нахождения поддержки среди граждан своего государства, что является основой успеха

для политика-лидера. Так же и Моисей, согласно Библии, направил свои силы на спасение еврейского народа, что стало его целью.

4) контексты, в структуру которых входит сравнительный союз как: «Сегодня у человечества нет общего *поводыря как Моисей* в свое время у евреев» (<http://yurayakunin.livejournal.com>. 27.03.2017); «Кобзон думает, что *Путин как Моисей* — раздвинет перед ним море санкций. Российский певец и политический деятель Иосиф Кобзон написал обращение к президенту РФ Владимиру Путину, в котором отметил невозможность бороться с западными санкциями отдельным гражданам» (<https://ria.ru>). Сравнительный оборот с союзом *как* насыщает медиатекст образными оттенками. Образность дополняется отсылкой не только к самому библейскому персонажу, но и к библейским событиям. Политический лидер, по мнению авторов, должен стать для народа поводырем, который будет вести за собой неосведомленное, не ведающее правильного пути общество и раздвинет перед этим обществом все преграды подобно тому, как Моисей «развернул» Красное море перед израильтянами.

Вторая группа политических контекстов характеризуется дополнением семы '*предводитель*' негативно окрашенным компонентом '*отсутствие необходимости*', что объективирует нежелание народа иметь такого предводителя: «Мы свою пустыню преодолели не за 40, а за 23 года. И без *Моисея*, и без скрижалей, путем собственных, иногда дорогостоящих ошибок, рискуя сбиться с пути, вышли-таки на путь демократии и свободы, европейской и евроатлантической интеграции», — сказал Петр Порошенко (<http://fakty.ua>. 22.08. 2016); Николай Травкин: «Нам нужен *Моисей*, но мы выбираем Одиссея. Кто ж за *Моисея* проголосует? Кому охота 40 лет по пустыне шастать? Нет желающих. А Одиссеей, он одним махом, раз — и подвиг совершил!» (<http://www.rosbalt.ru>. 07.07. 2017); «Рахой представляется в этой ситуации героическим Иваном Сусаниным, который, впрочем, погубил не своих, а чужих. Или *Моисеем*, водящим соплеменников по кругу “туда, не знаю куда”. При этом у Испании нет 40 лет для подобной «прогулки» в поисках лучшей доли» (<http://www.russianspain.com>. 12.09.2016).

Яркая образность в контексте достигается и с помощью устойчивых конструкций. Так, в политическом тексте активно функционирует конструкция *манна небесная*. Согласно библейскому мифу, *манна небесная* — это пища, которую Бог посылал иудейскому народу каждое утро с неба, когда «сыны Израиля» шли пустыней в страну обетованную [5].

Анализ показал, что в контекстах данный библеизм, как правило, не претерпевает трансформаций, преимущественно реализуется в заголовках политических текстов и требует обращения к тексту самой статьи во избежание двусмысленного толкования: «Крымчане думали, что сразу после присоединения к России на них *прольется манна небесная*» (<http://www.business-gazeta.ru>. 12.07.2014); «*Манна небесная* от МВФ. Как и с чем ее едят» (<http://news24ua.com>. 13.03.2015). Нередко данным устойчивым

сочетанием называют государственные явления: «Санкции как манна небесная» (<http://www.compromat.ru>. 09.10.2014). Или социально-политических субъектов: «Экс-посол США в РФ Макфол назвал Сноудена *манной небесной* для Путина и объяснил, зачем тот забрал Крым» (<http://www.newsru.com>. 03.07.2014)). В лексикографических источниках *манна небесная* интерпретируется как «определение чего-либо конкретного желаемым и крайне необходимым». Таким образом, представленные политические явления и субъекты характеризуются как желательные для развития того или иного государства или укрепления позиций того или иного политического субъекта.

Одним из частотных в политических контекстах является устойчивое сочетание *земля обетованная*. В лексикографических источниках выражение имеет несколько словарных значений: «1. Место, куда к-л. страстно мечтает, стремится попасть; 2. Предмет страстных желаний, устремлений, надежд и т.д.; 3. Место, где царит довольство, изобилие, счастье» [5]. В словарях отмечается, что «конструкция берет свое начало в Библии, согласно тексту которой означает “обещанную землю” (Палестину), а именно землю, которую Бог обещал евреям, выводя их из египетского плена, земля “хорошая и пространная, где течет молоко и мед”» [Там же]. Необходимо отметить, что в политических текстах реализуются первое и третье значения, закрепленные в словарях.

При реализации значения «место, куда к-л. страстно мечтает, стремится попасть» в контекстах речь идет о государствах, территориях государств, которые стали предметом мечтаний и стремлений побывать там: «Крым — *земля обетованная*» (www.argumenti.ru. 30.07.2015); «Россия стала *землей обетованной*» (www.gazeta.ru. 18.06.2015)). Кроме того, выявляется ряд контекстов, в состав которых входит негация и характеризуемый локатив не представляется желательным для посещения или жизни: «Крым не был *землей обетованной*» (www.vedomosti.ru. 17.06.2015); «*Земля не обетованная: почему бегут из Крыма?*» (www.hvulya.net. 11.04.2014).

При реализации значения «место, где царит довольство, изобилие, счастье» определенные локативы не представляются благополучными и богатыми регионами, способными дать стремящимся туда людям все необходимое: «Венгрия: СМИ обманывают беженцев, называя Европу *землей обетованной*» (www.vz.ru. 12.09.2015).

Следует отметить, что при реализации данной конструкции возможно замещение первого стержневого компонента субстантивом, который привлекает внимание к названным территориям и усиливает их значимость в политическом мире: «*Германия обетованная*» (www.profile.ru. 23.09.2015); «*Херсонщина обетованная*» (www.ukraina.ru. 12.01.2016).

Наименее частотной в медиатекстах является конструкция *водить по пустыне*. Этот путь в поисках земли обетованной был наполнен тяжкими испытаниями для еврейского народа и для самого пророка Моисея.

В политических контекстах сочетание *водить по пустыне* встречается крайне редко и реализуется в значении «долго вести кого-либо к цели»: «Гройсман не будет *водить свой народ по пустыне* 40 лет... обещает только 10. Премьер-министр Владимир Гройсман считает, что через десять лет Украина будет в Европейском союзе. Об этом он заявил на открытии шведско-украинского бизнес-форума» (www.ua-reporter.com, 14.06.2016). Более частотным является употребление конструкции *ходить по пустыне*. Если мы обратимся к лексикографическим источникам, то увидим, что глагол *водить* в первом значении — «то же, что *вести*, с той разницей, что *водить* обозначает действие повторяющееся, совершающееся в разных направлениях или в разное время» [6. Т. 1], а глагол *ходить* имеет сходное второе значение «то же, что *идти*, с той разницей, что *ходить* обозначает движение повторяющееся, совершающееся в разных направлениях или в разное время» [Там же. Т. 4]. Примечательно, что в медиатекстах данные глаголы не являются синонимами, так как глагол *водить* имеет в своем значении компонент «идти во главе кого-, чего-л., предводительствуя, направляя движение», а глагол *ходить* не имеет семы «предводительство» и актуализирует значение самостоятельного движения на пути к поставленной политической цели: «Происходит формирование новой прослойки украинских граждан, поэтому мы обречены на успех. Я не могу сказать, сколько еще нам *ходить по пустыне*, но 50-летние еще могут застать стратегические изменения в Украине» (www.gordonua.com. 21.11.2015); «На пресс-конференции в Киеве посол сообщил, что Украина будет бороться с коррупцией десятилетия...Этот вопрос необходимо решать на ментальном уровне. Соответственно страна будет *ходить по пустыне*, пока не изменит свое отношение к этому явлению через несколько поколений» (www.zi.dn.ua, 17.10.2016).

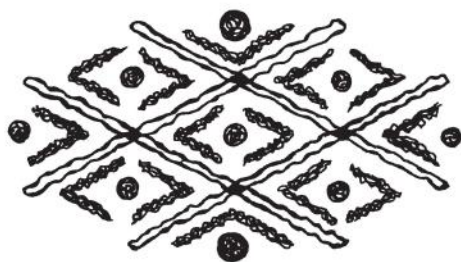
Таким образом, метафоричность и полисемантичность библейских образов является мощным средством влияния на политическую картину мира и дает возможность формировать в сознании человека определенное отношение к политической жизни мирового сообщества, что обуславливает использование в публицистическом тексте одной из значимых в библейском тексте прецедентных ситуаций *вывод израильтян из Египта*. Данная ситуация реализуется в публицистике с помощью различных языковых единиц (прецедентных антропонимов и устойчивых сочетаний). Данные единицы вносят в масс-медийный текст новые образные значения и ассоциации, что нередко достигается за счет изменения семантической структуры слов и сочетаний. Именно манипулятивный потенциал образных средств является ценным и значимым при формировании современных медиатекстов.

Литература

1. Худякова Е.С. О функциях религиозной лексики и библеизмов в текстах современных печатных СМИ // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. СПб., 2007. № 20 (49). С. 229.
2. Солдаткина Т.А. Фразеологические единицы библейского происхождения во французском политическом дискурсе [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.rusnauka.com/20_AND_2014/Philologia/7_173304.doc.htm. Проверено 13.03.2018.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. М., 2014.
4. Бачинин В.А. Христианская мысль: Библия и культура. Христианство и литература. СПб., 2006. Том X.
5. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1978.
6. Словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999. Т. 1.

*Таврическая академия (структурное подразделение)
Крымского федерального университета
имени В.И. Вернадского.
Симферополь*

Исследование выполнено в рамках поддержанного федеральным государственным автономным образовательным учреждением высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» гранта № ВГ20/2018



Об антикафе, антимагазинах и других антиобъектах

© Д.К. ПОЛЯКОВ,
кандидат филологических наук

В статье рассматриваются распространившиеся в недавнее время наименования предприятий торговли, обслуживания и общественного питания с приставкой *анти-*, первым из которых стало *антикафе*. Анализируется также семантика морфемы *анти-* в разных типах наименований и в разных контекстных условиях.

Ключевые слова: неологизм, потенциальное слово, интернациональная морфема, префикс, *анти-*.

DOI: 10.31857/S013161170003011-1

The article deals with the names of trade, service and public catering enterprises with the prefix *anti-* (e. g. *anti-café*). The semantics of morpheme *anti-* in different types of names and in different contextual conditions is also analyzed.

Key words: neologism, potential word, international morpheme, prefix, *anti-*.

Популярный неологизм *антикафе*, обозначающий заведение общественного питания, посетители которого платят не за еду и услуги, а за время, проведенное в нем, появился, по данным «Википедии», в 2012 году, когда в Москве открылось антикафе «Бабочки». Оно, однако, стало не первым предприятием такого формата: к тому времени уже год работало «свободное пространство» «Циферблат», также устроенное по принципу поминутной оплаты. Уже и до появления этого термина — перешедшего, заметим, из русского языка в другие (ср. англ., франц. *anti(-)café*, чеш.

antikavárna, пол. *antykwarnia*) — антикафе имели несколько обозначений, данных по их функции и специфическим чертам: *тайм-кафе*, *тайм-кофейня*, *тайм-клуб*.

Но наиболее популярным из них все же стало *антикафе*. Более того, сам тип заведения тут же обзавелся многими последователями, а слово-образовательная модель (о ее актуальности при наименовании предприятий общепита см., например, [1]) пополнилась новыми членами.

Широта значения морфемы и необычность нового объекта при этом почти всегда заставляют давать пояснение того, какой принцип работы «антизаведения» подразумевали его владельцы: *У абаканцев появилась возможность, провести время максимально комфортно, в необычном антикафетерии* (выделение жирным шрифтом здесь и далее наше. — Д. П.) *PasTime. Все как дома, даже тапочки, это место возможностей, в котором есть всё, что нужно современному человеку в любой его деятельности; Антибар TimeTerria — недавно открывшее свои двери антизаведение нового формата. На этот раз это «антибар», работающий по системе all inclusive, где платят только за время; Антитрактир «Бублички» — это общественная площадка, место встречи для всех тех, кто увлекается русской культурой, историей, традициями, которая будет функционировать в формате антикафе. Мы являемся первым русским народным антикафе!; В Барнауле открылось заведение, работающее в формате «антистоловой», где посетители платят за вход, а за блюда платят по себестоимости; Антимойка в г. Новый Уренгой. Предоставляем уборку и мойку вашего авто вам самим. Имеется всё необходимое оборудование и химия для качественной уборки автомобиля; Если вы устали от больших сетевых кинотеатров, <...> то можно пойти в антикинотеатры, где не платят за билеты. Здесь деньги возьмут за безлимитные попкорн и газировку или устроят для вас и ваших друзей эксклюзивный сеанс...; Антипекарня — это место, где создается необычный хлеб. Мы не печем его как в обычной пекарне. Процесс приготовления направлен на максимальное сохранение витаминов, микроэлементов и энзимов, содержащихся в натуральных ингредиентах нашего хлеба; PhysLand — антимузей, который открылся в 2014 г. в Санкт-Петербурге. Посетители становятся непосредственными участниками интерактивной программы. (Все примеры в статье взяты из текстов Интернета, в основном новостных или рекламных; в целях экономии места мы опускаем адреса сайтов, где были обнаружены интересующие нас лексемы.)*

Устойчивость модели подкрепляется ее использованием не только в качестве обозначения типа предприятий, но и в самих их названиях: *АнтиФитнес* — зал кроссфита и функционального тренинга. Это проект для людей, ценящий результат, а не средства для достижения; *Антистудия*. Запиши песню легко. Без поиска и аренды студии. Без ожидания свободного студийного времени. Без траты времени на дорогу. Без страха перед

микрофоном...; Наше открытое швейное пространство *Анти-Ателье* чем-то похоже на Швейный коворкинг. <...> Это идеальная швейная мастерская для всех, кто любит шить!; Сайт *Антикурсы* призван помочь людям поверить в себя и начать заниматься языком в индивидуальном режиме...

Создание не связанных с существующими реалиями потенциальных наименований по аналогии «антикафе → любой другой *антиобъект*» тоже указывает на популярность словообразовательной модели, ср. в отзыве о баре, работающем в формате антикафе: *Интересная идея — антирюмочная получается*. В игровых употреблении: *Идея для стартапа: антикладбище*. *Не нужно покупать место, платишь только за время, которое там провёл, Антипляж* — *Семья на замусоренном и загаженном берегу водоема загорают на привезенном в прицепе песке* (название карикатуры и ее описание); *в антибордель зашел с женою / на пару партий в домино* (поэтический экспромт); *Если появились антикафе, то могут ли появиться антимагазины или антитуалеты?* (вопрос на форуме).

Наконец, распространение «антиобъектов» вызывает попытки осмысления и объяснения, как, например, в посте тюменского интернет-пользователя chebu_988 под названием «Мода на антимоду» от 2.04.2014: *Удивительная вещь: все больше вокруг нас появляется заведений или организаций с приставкой АНТИ-. Я не имею в виду всем давно знакомый антивирус или злополучный (для студентов) антиплагиат. А проекты, которые подразумевают какой-то уникальный формат — но вот почему-то «анти». То ли все остальное уже приелось, то ли это своеобразный протест, то ли просто веяние моды. А может ничего более умного в голову не приходит просто. Не смею судить, хорошо это или плохо. Просто интересно. <...> Оказывается, в Тюмени существует *антитакси!* <...> Выяснилось, что это такой проект взаимопомощи. Мол, если у меня есть машина, свободное время и желание пообщаться, то почему бы не сделать доброе дело и не подвезти кого-нибудь куда-нибудь? Правда, не совсем за бесплатно. Плата все-таки присутствует, хоть и небольшая. По городу, например, 150 рублей. <...> Среди российских проектов мне также удалось найти *анти-радио*. <...> Его феномен заключается в том, что они готовы включать у себя ту музыку, которую по тем или иным причинам не пропустили на «нормальном» радио.*

Популярность обозначения объектов, явлений, артефактов с помощью приставки *анти-* можно усматривать в комбинации внутриязыковых и экстралингвистических причин, которые почувствовал автор процитированного поста: «то ли остальное приелось, то ли протест, то ли веяние моды». С одной стороны, наименования создаются по устойчивой и продуктивной словообразовательной модели, потенциал которой усиливался в течение всего XX века, с другой — здесь можно видеть маркетинговую ориентацию на броскость, неожиданность, попытки привлечь клиентов отталкиванием от известных, привычных им реалий.

Как сообщает «Русская грамматика», существительные с префиксом *анти-* обозначают «нечто противоположное или противодействующее тому, что названо мотивирующим существительным» [2]. Такое широкое толкование морфемы обуславливает ее легкую сочетаемость с различными основами и большой стилистический потенциал: среди только приведенных в грамматике примеров — и специальные термины (*антициклон*, *антивещество*), и стилистически маркированные слова с негативной оценочностью (*антикрасота*), и авторские употребления в поэтической речи (*Нет женщин — есть антимужчины*, А. Вознесенский). Значение противоположности и отрицания при этом «особенно активизировалось в середине XX в.» на фоне усилившегося взаимодействия русского языка с другими европейскими языками [3. С. 161]. Причиной тому послужил всплеск терминообразования — заимствование и создание на собственной почве естественнонаучных терминов (*антиатом*, *антивещество*, *антиводород*, *антипространство* и мн. др.), которые быстро входили в общелитературный язык, а также «некоторые новые явления социальной действительности, например “нигилистические” течения в искусстве и литературе современного Запада» [Там же. С. 162]: *антигерой*, ср. название заметок М. Туровской о западной культуре 1960-х — «Герои “безгеройного времени”» (М., 1971), *антисказка*, *антидрама*, *антифильм*, *антироман*, *антиискусство*.

Со временем на этой базе и развилось новое значение префикса, удачно истолкованное М. Н. Булдаковой как «отрицание тождества при наличии сходства» [4]. Остановимся подробнее на последних примерах. В русской лексикографии они впервые фиксируются в словаре-справочнике «Новые слова и значения»: *антиискусство* — ‘тенденции в современном западном искусстве, проявляющиеся в стремлении создавать произведения, противоречащие законам вида или жанра искусства’; *антироман* — ‘литературное произведение, противоречащее жанровым канонам романа’ [5. С. 48, 50]. Как видно, речь идет о реалиях, возникавших в противовес традиционным: антиискусство противоречит традиционному искусству, антироман (известный также как «новый роман») — традиционному роману.

Объекты и явления, рождавшиеся в противопоставлении общепринятой норме и получавшие наименования с участием префикса *анти-*, возникали в культуре (по крайней мере, западной) с начала XX века и становились особенно актуальными и многочисленными в переломные эпохи, например, в 1960-е годы. Это и были плоды «нигилистических» течений, связанных в том числе с зарождением и развитием *контркультуры* (о ней см. [6]), ростом неудовлетворенности традиционным устройством общества, апогеем которой стали протестные движения 1968 г. в Европе и Америке. На волне протестов возникал спрос на альтернативно организованные структуры: «пример желания апокалипсических перемен,

обуявшего нашу молодежь: когда в начале 1968 года в Лондоне открылся *Антиуниверситет* (первая английская версия наших свободных университетов), его проспект пестрел курсами “*антикультуры, антисоциума, антипоэзии, антитеатра, антисемьи* и альтернативной власти”, словно наработки прежнего общества разом перестали быть приемлемыми» [6. С. 39]. Антиуниверситет в данном случае противопоставлял себя именно традиционности (косности, ритуализованности) университета, предлагая ему своеобразную альтернативу: «часто сменявшие друг друга студенты приезжали туда с гитарой, чашкой для подаваний и запасцем волшебных грибов штудировать учение политика-анархиста Тимоти Лири и тантрический секс» [6. С. 3]. В то же время при всей противоположности традиционным учебным заведениям, в главной — образовательной — функции антиуниверситета не приходится сомневаться.

Происходящие в западном мире процессы зафиксировала и тогдашняя советская пресса: *Сейчас модно писать что-нибудь «анти». Например, антироман. В Париже изданы даже некие антимемуары. А я буду писать антиочерк* (Лит. газета. 1967. № 50); *Устремившись на выставки Вермеера и Пикассо, но в то же время проявляя ледяное безразличие к десяткам картинных галерей, все еще заваленных хламом «поп-арта», «антиискусства», «неискусства», сотни тысяч парижан совершенно недвусмысленно заявили о своих пристрастиях* (Правда. 23.12.1966); оба примера — из [5]. Заметим лишь, что слово *антиискусство* (*anti-art*) появилось еще в середине 1910-х годов, и парижские картинные галереи к моменту публикации в «Правде» были «завалены» им вот уже полвека. Изобретение этого термина приписывают авангардисту, одному из основоположников дадаизма Марселю Дюшану, впервые придавшему статус художественных произведений утилитарным объектам массового производства, созданным не с эстетической целью (т. н. реди-мейд). «Антиискусство» Дюшана и других дадаистов радикально отличалось от всех тогдашних художественных практик, однако и оно со временем было неизбежным образом «кодифицировано», превратившись в классический образец искусства авангарда. «Казалось, что после появления практики реди-мейда институты искусства потеряли свою легитимность и устарели. Однако после Дюшана художественная практика реди-мейда функционировала как продолжение художественной традиции, а вовсе не как отречение от нее» [7]. Так антиискусство было «поглощено» искусством, стало его частью, а *анти-*, изначальная морфема противоположности, в данном случае фактически обозначает неполное тождество, частные расхождения при общем единстве, сходстве. То же самое характерно и для других «антифеноменов» — *антипсихиатрии*, возникшей в те же 1960-е как оппозиция традиционной психиатрии, но сейчас признаваемой в качестве одного из ее направлений, *антитеатра* (еще одно обозначение для театра абсурда), *антидрамы* (или «новой драмы») и мн. др.

«Антиобъекты» из названных в начале статьи в той же мере удовлетворяют данному выше толкованию: антикинотеатр не идентичен традиционному кинотеатру, но сходен с ним в главной функции — показа фильмов. Строго говоря, по своему главному предназначению они не отличаются от объектов, а префикс актуализует отрицание подобия, его неполноту, причем в каждом случае разную (способ оплаты, способ организации процесса, особенности технологии и т. д.). Поэтому наименования с *анти-* и без него могут встречаться параллельно и даже в близких друг к другу фрагментах текста: *Вы еще не были в нашей пиццерии? Это необычное место. Можно сказать, что это «антипиццерия». Почему? У нас нет официантов, а пиццу подают в коробках. Это как McDonalds или Starbucks...; ... эти отличные опции («расслабиться, перекусить и выпить кофе». — Д. П.) можно обнаружить в антисалоне GURU, где считают, что салон красоты должен быть одновременно и местом, куда хочется просто зайти, чтобы приятно провести время; Караоке-клуб Red Karaoke. Первый в Москве Анти-Караоке! 2000р./час за аренду помещения до 10 человек.*

Зависимость значения от контекста — характерная особенность слов с префиксом *анти-*, относящихся к любой семантической группе. Можно сослаться на работу М. Радченко, обнаружившей в неологизме *антидети* несколько значений: (1) взрослые; (2) противозачаточные таблетки; (3) сторонники движения, направленного на уменьшение рождаемости; (4) приспособления, устанавливаемые ради обеспечения безопасности детей на упаковках с лекарствами, автомобилях и т. д. [8]. Точно так же и в наименованиях рассматриваемых нами объектов скрывается многозначность, снимаемая контекстом — или, наоборот, актуализируемая в зависимости от коммуникативных намерений говорящего. Так, открытая в подмосковном Королеве *антибиблиотека*, позиционируемая как «новый вид библиотечной деятельности, в котором акцент делается на инновационные проекты, которых ранее не существовало в формате библиотек», вскоре получила в газете «Калининградская правда» гневный отзыв, часть которого была посвящена именно ее наименованию: *Чем, собственно, «антибиблиотека», которую выдают за некое новшество, отличается от деревенского клуба, где размещалась маленькая библиотечка и проводились различные культурные мероприятия: играли в шашки, танцевали, устраивали спектакли и концерты? Только названием. А что за ним скрывается? <...> согласно словарю иностранных слов, приставка анти- «образует существительные и прилагательные со значением противоположности, враждебности, направленности против кого-чего-нибудь». <...> Таким образом, антибиблиотека — это не «нечто противоречивое», а противоположное, враждебное библиотеке. Рассерженный рецензент, как видно, актуализирует значение противодействия, одно из основных значений префикса, таким образом делая антибиблиотеку врагом библиотеки традиционной (добавим, заголовок заметки — *Антибиблиотека, или Как убивают культуру*).*

Намеренная замена одного значения другим представлена и в шутилой интернет-миниатюре «Вечерние раздумья», идея которой, очевидно, навесна популярностью «антизаведений»: *Вот представьте себе, к примеру, антипарикмахерскую. Заходит туда человек аккуратно подстриженный, наодеколоненный, а выходит — заросший и без парфюмерных ароматов. Но зато ему заплатят. Или еще — антибаня. Туда идут красные, распаренные, а выходят заметно побледневшие, но с некоторой суммой в кармане. Или антиателье — сдает клиент костюм, а получает отрез и деньги. Или, скажем, антилампочка. Включишь ее — темнее станет, но счетчик будет крутиться в обратную сторону.* Совмещаются значения сходства при отсутствии тождества и противоположности.

Это значение также может служить отправной точкой для контекстного, окказионального употребления слов с *анти-*, где приставка выступает в качестве негативного маркера. Так, утвердившийся в меню некоторых японских ресторанов раздел *Антисуши*, в котором содержатся все блюда, выходящие за рамки японской (а скорее, квазияпонской) традиции, вдохновил автора разгромного отзыва об одном таком ресторане, озаглавившего его *Кафе «Япоша»: антисуши, антикухня, антисервис* и от значения ‘любая еда, кроме японской’ перешедшего к контекстно обусловленному ‘псевдосуши, плохое суши’, подкрепленному последующими *антикухня* и *антисервис*.

Игра с разными значениями морфемы для достижения комического эффекта представлена и в следующем примере. Новость под заголовком *Открылось первое антикафе в городе Ессентуки — антикафе «Джунгли»* была сопровождена следующим комментарием: *Ну, не знаю, чего это оно «первое в городе»? ИМХО, антикафе — самый популярный формат заведения на КМВ. На втором месте — антиресторан, а на третьем — антикараоке. Замыкает четверку лидеров квазиночной клуб.* Здесь на первый план выходит еще одно производное значение — объекта, который, с точки зрения говорящего, выдает себя за оригинал, но не может считаться таковым из-за нехватки важных для оригинала свойств. Как правило, оно сопровождается резко негативной оценочностью, а *анти-* здесь в целом синонимично *псевдо-* и другим префиксам, отвечающим за значение ложности, фальсификации и подмены, например, *квази-* — как в приведенном выше примере. Синонимия может быть эксплицирована в тексте (соответствующие слова и выражения выделены разрядкой): *Анти-пиццерия! Пицца Маргарита — это что-то непонятное, причем полно ингредиентов, которых и в помине нет в ее рецепте. <...> это анти-итальянская еда, псевдо-пиццерия!; Какой-то антиотель... Ночлежка с претензией на отель...* Более развернуто отношения синонимии и антонимии продемонстрированы в следующем пассаже: *Фактически университет превратился в антиуниверситет, образование — в антиобразование, наука — в псевдонауку, академическая свобода — в академическое рабство, творчество — в рутину,*

общественное уважение — в общественное презрение. Антонимический ряд здесь реализуется как лексически, так и словообразовательно (парадигматически); синтагматически же *антиуниверситет* и *антиобразование* оказываются объединены с псевдонаукой, рабством (= *антисвободой*, *несвободой*), *презрением* (то есть *антиуважением*) и *рутиной* (*антитворчеством*). Негативная оценочность, таким образом, нашла выражение и в синтаксическом объединении наименований с *анти-* и однозначно, внеконтекстно отрицательных лексем.

Разумеется, контекстная обусловленность таких слов раскрывается и вне соседства с морфемами схожей семантики, ср. в многочисленных негативных интернет-комментариях: *Это антиресторан!!! Свет горит над одним-двумя столиками! Блани прокисший; Невис — антиаптека своим обслуживанием они сделают только хуже!; Я бы на месте Министерства туризма Испании давно бы показал этому антиотелю красную карточку; ...ответственность быть должна огромная, а вот с этим напряг, особенно в Минусинске, это антибольница, про поликлиники я вообще молчу...; Ужасный туроператор! Это даже антитуроператор!!! Никогда ничего у него не покупайте!!!; ...анти-солярий, в который не стоит ходить; Антипляж на ул. Гладкова. <...> Так или иначе — «загорать» здесь можно, главное — крепко зажмуриться и зажать нос; Да ИнЯз уже превратился в антивуз, в заведение, которым пугать надо; Это убожество просто антиздание для окружающей архитектурной среды; ОБХОДИТЕ СТОРОНОЙ данный Анти-автосервис!!!*

Это значение — ‘объект, лишенный важных для говорящего характерных свойств’ или, в формулировке О. Мартинцевой, отметившей употребление *анти-* в негативно оценочных потенциальных словах (в терминологии автора — окказионализмах) еще в 1987 году, «‘недостаток какого-либо знака, содержащегося в значении производящего слова’» [9], — может, однако, сопровождаться положительной оценочностью — в том случае, если сам объект изначально трактуется негативно и вызывает отрицательные ассоциации. Такие примеры в нашем материале малочисленны: *Кроме того, на вокзале нет нищих, толи приезжих, ларьков — в общем, нет абсолютно никаких атрибутов того, что принято понимать под вокзалом. Это как бы антивокзал, если так можно выразиться; Не так давно, например, в Петербурге появилось волшебное место «Рускомплект» на Старо-Петергофском проспекте — такая антигалерея и антиклуб.* Впрочем, некоторые из рассмотренных в начале статьи нейтральных наименований актуализируют положительные характеристики новых объектов по сравнению с традиционными: *Антимузей «ФизЛенд» — это место, где вместо скучных экскурсий устраивают яркие научные шоу...; Антишкола английского языка «Space Deer» на улице Чарльза Дарвина в Киеве. Здесь не готовят к экзаменам, а готовят к жизни; Антиофис поможет избежать застоя в интеллектуальной работе и придаст мышлению и творчеству свежую перспективу.*

В таких употреблениях *анти*- прослеживается связь с авангардным «антиискусством» начала XX века, изобретенным, чтобы покончить с косностью традиционных практик.

Наименования «антиобъектов», как мы уже отмечали, имеют широкую, зависимую от контекста семантику. Позитивная или нейтральная интерпретация объекта скрывают больше возможных смыслов, чем его негативная оценка, ведь говорящий противопоставляет «антиобъект» объекту по какому-либо из его признаков, наиболее важному для него в данной ситуации. Так, слово *антимагазин*, помимо значений противоположности (*Супермаркет — это антимагазин*) и ложности, сопровождаемой негативной оценкой (*Топ антимагазинов: где я бы не стал одеваться и вам не советовал*), выступает и в нейтральном значении сходства при отсутствии тождества, именуя, однако, по-разному организованные объекты: *Анти-Магазин — это сервис мгновенного обмена без использования денег...; В Москве открылся благотворительный «антимагазин». Покупатели сами решают, сколько платить за брендовые вещи* (в первом случае — обмен без денег, во втором — оплата суммой, определяемой покупателем).

Анализ употреблений морфемы *анти*- в наименованиях организаций, предприятий и заведений показал активное развитие ее семантики — от традиционно отмечаемых в грамматиках противоположности и борьбы к отрицанию тождества при наличии сходства. При этом данное значение реализуется в разных видах: помимо нейтральных номинаций, часть которых терминологизируется, обозначая новые и получающие все большее распространение реалии (*антикафе*), префикс *анти*- участвует и в регулярном образовании потенциальных слов, сопровождающихся негативной и, реже, позитивной оценочностью.

Литература

1. Старикова Г. Н., Хоанг Тхи Хонг Чанг. Трофонимы (ресторонимы) как особый тип эргонимов (на материале имен заведений общественного питания Москвы) // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2017. № 47. С. 82.
2. Лопатин В. В. Словообразование имен существительных // Русская грамматика / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. Т. 1. С. 227.
3. Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М. В. Панова. Т. 2. Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968.
4. Булдакова М. Н. Образования с начальным *анти*- в русском языке (На материале имен существительных): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1993. С. 10.
5. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. М., 1971.

-
6. Рошак Т. Истоки контркультуры. М., 2014.
 7. Гройс Б. Антифилософия, или Философские реди-мейды // Логос. 2013. № 6. С. 3.
 8. Радченко М. Структурно-семантические особенности русских и хорватских новообразований с префиксом *анти-/anti-* (на материале языка Интернета) // Acta Linguistica. 2009. № 1. С. 91–92.
 9. Мартинцова О. Окказиональные слова в сопоставительном аспекте // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков / Отв. ред. Г. П. Нешименко. М., 1987. С. 172.

Российский государственный гуманитарный университет

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 17-04-00532-ОГН